

Се Линъи оставалось лишь порадоваться тому, что перед отъездом она проявила предусмотрительность и велела своей служанке Байчжи заранее начать сбор лекарственных трав для борьбы с эпидемией.

Теперь, когда она здесь, отступить было некуда.

Се Линъи повернулась к Ван Шаогэну, застывшему неподалеку, и произнесла:

— Господин Ван, остались ли в уезде лекари, которым можно доверять? Прошу, немедленно отправьте людей на осмотр, нужно во что бы то ни стало подтвердить, заразная ли это болезнь.

Она на мгновение замолчала, обведя взглядом мечущиеся за окном охваченные ужасом тени, и продолжила:

— Какими бы ни были результаты осмотра, всех, у кого проявились симптомы, следует немедленно изолировать. Закройте городские ворота, запретите любой вход и выход. И еще: тела умерших, что до сих пор лежат на улицах — их нужно немедленно сжечь или глубоко закопать. Ни в коем случае нельзя оставлять их под открытым небом. Иначе, стоит заразе распространиться, последствия будут неисчислимы.

Ван Шаогэн поначалу опешил, но, осознав серьезность ситуации, в его глазах промелькнула решимость.

— Слушаюсь! Сейчас же приступлю к исполнению!

Вскоре под руководством этого энергичного чиновника остатки стражи и способные держать себя в руках крепкие мужчины были быстро собраны. Немногие уцелевшие запасы трав из городских аптек свезли в административное здание, туда же подтянулись и выжившие лекари.

Се Линъи действовала без промедления: она распорядилась раздать жителям, еще не затронутым болезнью, полынь, аир и реалгар для окуривания жилищ. У входа в управу установили несколько огромных котлов, в которых на отварах солодки, жимолости и щитовника готовили густое профилактическое снадобье, которое раздавали людям.

Столбы лекарственного дыма, смешанного с запахом гари и горечи, поднялись над руинами. Видя, как каждый занят своим делом, люди хоть и двигались в спешке, а лица их оставались напряженными, но та всепоглощающая паника, готовая вот-вот взорваться, наконец отступила под гнетом четких распоряжений.

— Господин, эта барышня и чиновник Ван приказали закрыть ворота. Похоже, они обнаружили эпидемию.

— Понял. Проверь еще раз, не упустили ли мы чего, и тоже входим в город.

— Господин, а стоит ли доверять словам этой девицы? Неужели мы будем подчиняться ее приказам?

— Платок с золотым шитьем — не то, что может позволить себе простолюдинка, с ее происхождением все в порядке. А что до ее слов... мы здесь без приказа, лучше не вступать с ней в конфликт.

Черный халат с разрезами на бедрах развевался на порывистом осеннем ветру. Пэй Чжаохэн

медленно опустился на колени, припав к пожелтевшей земле.

Он глубоко вонзил обломок копья в грунт, отвязал от пояса флягу и медленно вылил прозрачное вино перед могилой:

— Сяохань, как только я покончу с предателями, я верну тебе доброе имя и воздвигну памятный камень.

Вскоре подросла и Байчжи с большими свертками трав и несколькими помощниками. Даже не передохнув после долгого пути в простой дорожной одежде, она сразу направилась к месту, где содержали больных.

В лачугах стоял тяжелый, спертый воздух, не стихали стоны. Байчжи, не дрогнув, склонилась над больными, осматривая цвет лица и налет на языке, затем сосредоточенно принялась за пульс, прижимая пальцы к запястьям.

Ее взгляд был спокоен и сосредоточен. Мгновение спустя она уже точно определила причину болезни и принялась диктовать рецепты, четко и ясно объясняя родственникам больных и помогающим женщинам, как готовить отвары и на что обратить внимание.

Се Линьи, издавек наблюдая за тем, как Байчжи методично проводит осмотр и руководит другими лекарями, почувствовала, как на душе стало легче.

Байчжи в детстве удочерил известный военный врач. Она выросла в походных лагерях, привыкла к виду ран и страданий, а также была одержима изучением медицинских трактатов. В вопросах врачевания и свойств трав она была крайне одарена. С ней во главе можно было не беспокоиться.

Увидев, что Се Линьи приближается, Байчжи сразу поднялась, вымыла руки и отвела ее в пустующий уголок, понизив голос до шепота:

— Барышня, судя по моим наблюдениям, симптомы у зараженных разные, их можно разделить на два типа. Первый — это язвенная чума. Развивается стремительно, яд глубоко проник внутрь: высокая температура, бред, фиолетовые пятна на коже. Нужно срочно выводить токсины, лекарства должны быть сильными. Второй тип — малярия: лихорадка сменяется ознобом, болезнь скрывается где-то посередине, нужно гармонизировать внутренние силы, здесь лекарства должны быть мягкими.

Методы лечения и составы у них почти противоположные. Если ошибиться в диагнозе, можно либо повредить жизненной энергии, либо позволить яду укорениться — оба пути опасны.

Она нахмурилась, голос ее стал еще тише, с редкой для нее тяжестью:

— Но самое страшное — это когда обе болезни сливаются воедино! Пациент сначала мечется от холода к жару, затем температура перестает спадать, пульс становится беспорядочным и частым. Спустя пару часов — помутнение сознания, бред, сыпь вперемешку с лихорадкой... Ланьян и так обескровлен, остались одни женщины, дети да старики. Организм у всех слабый, несколько человек уже не пережили минувшую ночь.

— Значит, этих больных нужно немедленно изолировать друг от друга, и лечение должно быть строго различным, верно? — быстро уловила суть Се Линьи.

— Именно! — Байчжи серьезно кивнула. — Барышня, нужно срочно отправить людей на массовое истребление крыс. По моим наблюдениям, язвенная чума пришла от грызунов, а малярия, боюсь, связана с тлетворным дыханием тел, которые не успели убрать с улиц.

Се Линъи осознала всю тяжесть ситуации. Она немедленно распорядилась усилить отряды по борьбе с крысами и очистке территории, а затем отправилась искать Ван Шаогэна, чтобы пересмотреть места для изоляции.

Закончив с распоряжениями, она вернулась к управе, где как раз встретила Пэй Чжаохэна.

— Господин, прошу за мной, — она слегка кивнула, лицо ее было суровым.

Пэй Чжаохэн молча последовал за ней в отдаленную комнату во внутреннем дворе.

Стоило открыть дверь, как на полу обнаружили двое, плотно связанные воловьими жилами, с кляпами во ртах — те самые лазутчики, что утром подстрекали толпу к грабежу зерна.

Увидев Се Линъи, они за мычали, в их глазах читались ужас и мольба.

— Господин, эти лазутчики теперь в вашем распоряжении. У меня не вышло из них ничего вытянуть, — Се Линъи вежливо отклонялась.

Пэй Чжаохэн наклонился. На телах обоих были видны тонкие порезы, но ни один не задевал жизненно важных органов. Способ связки был крайне изощренным: их привязали спина к спине так, что любое движение одного затягивало узлы на другом, причиняя невыносимую боль.

Глядя на эту нежную и мягкую девушку, он не ожидал от нее столь жестоких методов.

Он вытащил кляп из рта одного из них, и тот сразу разразился проклятиями:

— Эта сумасшедшая баба! Она ничего не спрашивала, только пытала нас! Мы — честные люди, ну украли немного зерна, когда были голодны, разве это преступление? Она убила моего брата, пытала нас, я буду жаловаться властям! Буду!

— О? Честные люди? — Пэй Чжаохэн натянул веревку. — Честные люди в этом городе голодают столько дней, но у них нет такого громкого голоса, как у вас, и уж точно нет золотых слитков такой пробы. Впрочем, мы, Булянжэнь, расследуем дела так: если то, что вы скажете, будет полезным, мы рассмотрим вопрос о вашем наказании.

Они переглянулись.

— Больше я ничего не знаю. Кто-то присылал послания каждый день. Если я делал всё по записке, на следующий день получал золотой слиток. Я всего лишь стражник у ворот, за всю жизнь столько не заработать!

— Где записки?

— Конечно, сжег. Хоть я и стражник, но знаю, что такое оставлять нельзя.

— Еще раз, чем ты занимаешься? — Пэй Чжаохэн медленно присел, чтобы оказаться на одном уровне с ним.

— С-стражник... у ворот.

— Что он приказал сделать в последний раз?

— В последний... вчера вечером, велел в третью стражу открыть ту заброшенную калитку у северных ворот. Засов там давно прогнил от дождей, нам даже ломать ничего не пришлось. Еще сказал, что утром пришлют зерно. Больше ничего, правда! Тот человек давал золото и записки только нам троим, он словно призрак, мы даже лица его не видели!

— Господин, нашелся источник чумы. Кто-то намеренно бросил в колодцы туши дохлых крыс, — подошла Се Линъи. — Удалось что-то выяснить?

— Халатность, погоня за выгодой, мелкий проступок, приведший к страшной беде. Казнить.

Пэй Чжаохэн снова заткнул рот пленнику и туже затянул веревки.

— Цинсунь, отправь людей к северным воротам, остальные — за мной, устранять источник заразы.

Байчжи вместе с несколькими лекарями после нескольких суток бдения, бесчисленных проб и попыток наконец, перед самым рассветом, нашла ключ к лечению эпидемии.

Когда первый из тяжелобольных, который еще недавно был при смерти, начал ровно дышать, все присутствующие молча переглянулись, читая в глазах друг друга одно и то же облегчение.

Пэй Чжаохэн, занятый растиранием трав, поднял глаза и снова посмотрел на девушку.

В белом одеянии, с лицом, прикрытым вуалью, она склонилась над больным, бережно поднося ложку с лекарством. Ее движения были мягкими и тонкими, она даже не замечала, что рукава испачканы лекарственным отваром.

Колеблющийся свет лампы очерчивал вокруг нее мягкий ореол, и в этом месте, полном страданий и смерти, она казалась невероятно спокойной и чистой.

Его охранник Цинсунь, тоже усердно растиравший травы, от усталости кривился, но все же не удержался и спросил:

— Господин, как вы думаете, эта барышня Се — хороший человек?

После нескольких дней наблюдений он так и не смог дать однозначный ответ.

— А ты как думаешь? — Пэй Чжаохэн не прекращал работы.

— Сказать, что хороший — так вы видели, как она допрашивала тех людей. Жестокая, хитрая, я сколько лет с вами, господин, много чего видел, но таких способов вызывать леденящий ужас не встречал. Сказать, что плохая... — он посмотрел в сторону Се Линъи, и голос его смягчился. — Она привезла столько зерна и лекарств. Эпидемия такая опасная, а она, знатная барышня, сама бегают, распоряжается, варит отвары, ухаживает за больными, никакой спеси.

— Благородный муж судит по поступкам, а не по намерениям, — улыбнулся Пэй Чжаохэн. — Считаю ее благородным мужем.

<http://bllate.org/book/19397/1899330>